

В жизни Ингеборги все происходило постепенно, она не проснулась знаменитой и привыкла воспринимать жизнь такой, какая она есть. В женщине главным считает уверенность в себе

Ингеборга Дапкунайте: «Я НЕ ЛЕНИВАЯ»

ОНА ЖИВЕТ В ЛОНДОНЕ, ЕЕ МУЖ – ИЗВЕСТНЫЙ АНГЛИЙСКИЙ РЕЖИССЕР САЙМОН СТОУКС. ЕЕ ПАРТНЕРАМИ БЫЛИ ТОМ КРУЗ, ДЖОН МАЛКОВИЧ, ЭМИР КУСТУРИЦА... НО ЭТО НЕ ДОБАВИЛО К ЕЕ ОБАЯТЕЛЬНОЙ ОТКРЫТОЙ УЛЫБКЕ НИЧЕГО ЗВЕЗДНОГО. РАЗГАДАТЬ, ЧТО КРОЕТСЯ ЗА ЭТОЙ УЛЫБКОЙ, ДАНО ТОЛЬКО БЛИЗКИМ ЛЮДЯМ. ПОТОМУ ЧТО ИНГЕБОРГА – ЭТО ВЕЩЬ В СЕБЕ. ЛЮБИТ ФУТБОЛ, ВОСКРЕСНЫЕ ГАЗЕТЫ И ПРИЗНАЕТСЯ, ЧТО ВМЕСТО БРИЛЛИАНТОВ ВЫБЕРЕТ ПРОДВИНУТЫЙ МОБИЛЬНЫЙ ТЕЛЕФОН.

Ингеборга, несмотря на отдаленность и занятость, вы приняли предложение стать членом жюри в «Ледниковом периоде». Почему?

Я согласилась сразу: это один из любимых проектов. Мне повезло, что я участвовала в этом проекте, причем с самого начала. Это для всех был большой риск – и для тех, кто делал, и для тех, кто участвовал.

Когда мы репетировали открытие, самую первую программу, режиссер дал команду: «Звезды, встаньте в круг!» Все поехали в круг. «Нет-нет-нет, не звезды-фигуристы, а звезды-звезды» (смеется). Тогда все мы – и «звезды-фигуристы», и «звезды-звезды» – были в одинаковом незнании, в познании нового для себя. Мне проект дал очень много: и преодоление, и адреналин, и радость открытия новых возможностей. Мы не катались так, как катаются сейчас, – уровень вырос настолько, что я могу только восхищаться. А приходится судить. Быть членом жюри – большая честь.

А по поводу того, что происходит на льду перед моими глазами, могу безудержно говорить прекрасные слова. Безудержно!

Не только в жюри?

Нет, вообще. Талант Ильи Авербуха и Саши Жулина неисчерпаем, хотя они и твердят: «Ну все уже, все. Идей больше нет». Но проект – это не только Илья и Саша. Это целая команда: режиссер, оператор, продюсер, Первый канал...

Вы объективный судья? Можете абстрагироваться от личных симпатий?

Все-таки у меня должность (*смеется*). Решения принимаются самостоятельно, на нас никто не влияет. Бывает, шепчемся между собой — делимся впечатлениями. Иногда оценки получаются одинаковыми не потому, что мы договорились, — просто каждый хочет, чтобы у всех пар стояло «отлично». Когда видишь хороший, захватывающий номер, понятно сразу все. **Вспоминаете, как сами стояли перед жюри?**

Я вспоминаю все это время, как сплошное волшебство... Помню, однажды во время прогона мы с Сашей сказали друг другу: «Ну почему у нас такой скучный номер? Вон у Бутмана какой классный! А мы что выбрали? Какое-то занудство...» А потом решили: «Да пойдем, потанцуем — и все». И получили все шестерки — это оказался один из наших лучших номеров. Конечно же это соревнование, но не в обычном смысле. Я шла поделиться своим опытом со всеми.

ЛИЧНОЕ ДЕЛО

Родилась в Вильнюсе. Окончила Литовскую консерваторию, факультет хорового и театрального искусства. Работала в Каунасском драматическом театре у Йонаса Вайткуса, потом в Вильнюсском молодежном театре Эймунтаса Някрошюса, играла в «Чайке», «Короле Лире» и др. Фильмография: «Циники», «Интердевочка», «Подмосковные вечера», «Миссия невыполнима», «Шик», «Война», «Утомленные солнцем», «Москва», «Зимняя жара», «Анна Каренина», «Ганнибал. Восхождение», «Морфий». 1993 г. — переезд в Лондон, работа в театре с Джоном Малковичем в спектакле «Ошибка речи», проект «Монологи вагины». Вела программу «Большой брат», русскоязычную версию на ТНТ. Призы: «Золотой Овен», 1992 г. («Циники»), «Ника», 1994 г. («Подмосковные вечера»).

Страшно играть, когда в зале сидит свой человек? Или, наоборот, спокойнее?

В Лондонском театре есть правило: до начала любого спектакля зав. труппой спрашивает всех актеров лично: «Хотите знать, кто сегодня в зале?» Есть ли там, допустим, Том Круз? Я хочу (*смеется*). А некоторые — нет: они слишком волнуются, даже если пришли их семьи. Я же в таком случае ощущаю связь (*улыбается*), у меня появляется адреналин, кураж... Мне нравится! А вообще я на сцене с четырех лет, поэтому у меня немного странное восприятие мира в этом смысле. Можно сказать, что я испорчена театром, а можно — что везучая. Это, как практически и все, зависит от отношения, от жизненной концепции.

Вы можете составить мнение о человеке, полагаясь на то, что вам говорят о нем?

Стараюсь никого не слушать — делаю выводы исходя из того, как

«Я НЕ МОГУ КОНТРОЛИРОВАТЬ КАЖДОЕ СЛОВО, ЭМОЦИЮ...»

И в номинацию мы попадали. Но у спортсменов есть прекрасное правило: причина неудачи может быть объективной, но это не имеет никакого значения по отношению к цене вопроса. Ты здесь и сейчас и отвечаешь за то, что сделал.

А разве в актерской профессии не так?

Да, так. В кино ничего нельзя изменить. В театре же постоянно что-то совершенствуешь, растешь, но и тут надо понимать, что зрители, которые смотрят спектакль сегодня, на другой уже не придут. Ты не можешь сказать им: «Жаль, вы не пришли в прошлый раз: было лучше».

Насколько важно для вас мнение публики, ее реакция?

Самое ценное — взаимосвязь с публикой. Кажется, что это затертые слова, но я честно думаю, что если кому-то от этого стало хоть на секунду веселее, кто-то о чем-то задумался, кого-то что-то задело, то я не зря снималась, не зря каталась. И конечно, это доставляет очень много радости.

Вы чувствуете, когда говорят искренне?

Я... верю, если мне что-то говорят. Если человек уже делает усилие, чтобы подойти ко мне и открыть рот, — это очень и очень ценно.

человек со мной общается. Но есть поступки, которые являются определяющими. Если узнаю, что это убийца, конечно, у меня появится предубеждение. Если это Джек Николсон, то, естественно, у меня к нему тоже есть свое отношение, обусловленное творческой предысторией. И к Леше Балабанову — свое, потому что видела его фильмы.

А если вам говорят о ком-то: «Тяжелый, очень сложный человек, связываться с ним не надо»?

Я подумаю об этом, конечно. Но нет людей простых — все очень сложные. Мы состоим из страхов и мечтаний, и все по-разному поступаем в той или иной ситуации. Когда меня спрашивают отвлеченно: «Если бы вы...?» — я отвечаю: «Не знаю. Когда окажусь в этой ситуации, тогда и буду решать».

Наверное, были моменты, когда вы поступали неожиданно для самой себя?

Я редко о чем-то сожалею. Стараюсь делать то, что по-настоящему хочу и считаю важным. Это не значит, что каждый раз, просыпаясь, я думаю: «Хочу сделать этот день значительным». Но сегодня в моей жизни есть дела, которые, мне кажется, являются действительно важными. Например,

Слева: в 2006 г. Ингеборга участвовала в проекте Первого канала «Звезды на льду», их пара с Александром Жулиным заняла второе место. Внизу: в 1994 г. сыграла Марусю в фильме «Утомленные солнцем» Никиты Михалкова

«ПРОХОДЯ ПУТЬ ПЕРСОНАЖА, АКТЕР ВСЕ ДОСТАЕТ ИЗ СЕБЯ»

существует благотворительный фонд «Вера», в попечительском совете которого я состою. Это фонд помощи хоспису, возглавляет его потрясающая женщина — Вера Васильевна Миллионщикова, главврач. Мы вместе с Таней Друбич, Таней Арно и многими другими замечательными людьми пытаемся помогать этим людям.

Наверное, это очень нелегко морально...

Совсем не тяжело. Это часть жизни. Пока мы не ушли, мы еще живем. Вопрос, как сделать так, чтобы уход был легче. Для этого мы привлекаем внимание к проблеме и ресурсы. Я считаю, это прекрасная цель. Я стала заниматься этим несколько лет назад, и я ни на минуту не пожалела.

У вас появились в связи с этим какие-то новые мысли о жизни, о взаимоотношениях людей, что есть настоящее, а что суета?

Я поняла, что все очень близко и все параллельно. Мы с вами сейчас пьем чай, разговариваем, захотим — можем сесть в самолет и улететь куда-то, а посмотрим за окно — увидим церковь, синагогу, супермаркет... Так и в жизни все рядом: и радость, и отчаяние, и порывы, и лень.

Кстати, вы любите лениться?

Я не ле-ни-вая (*смеется*). Моя очень близкая подруга на отдыхе любит подольше поспать. А мне нравится встать часов в шесть-семь, сделать зарядку, прогуляться... Потом режу салат, завариваю чай и приношу ей на подносе прямо в кровать. И первое, что она говорит, открыв глаза: «Не ленивая!» (*смеется*) Это вместо «доброе утро» и «спасибо».

Сегодня многие ругают мобильный телефон за то, что он везде, за ограничение личной свободы. У вас же, как видно, большая дружба с ним: и звонков много, и эсэмэски активно пишете...

А как иначе?! (*улыбается*) Это моя связь с миром. Но, если честно, у меня в этом вопросе есть противоречие. Если я на съемке, пытаюсь оставить телефон в грим-вагене, потому что отвлекает, не можешь сконцентрироваться. Но в разговор телефон может вклиниться, увы, с нами это происходит. Может быть, я все-таки научусь тому, что живой собеседник приоритетен. Ведь получается, что иначе мы в этот момент не находимся нигде: я беседую с вами, одновременно по телефону, потом встречаюсь со звонившим, и меня опять кто-то дергает — замкнутый круг. Но быстрота

*Она одна из самых
востребованных
актрис бывшего
Советского Союза.
Причем снимается
и далеко за
пределами России:
в Голливуде,
Франции, Бельгии*

коммуникаций — это, безусловно, здорово! И хотя про смс говорят, что это суррогат общения, в этом жанре можно написать целый роман! Жизни ломаются из-за эсэмэсок и создаются.

Услышав, как вы отвечаете по телефону, легко за-ключить: какая Ингеборга милая, как с ней приятно разговаривать...

Конечно, очень хотелось бы сказать: «Мне неважно, что обо мне говорят!» Иногда это действительно так, но бывает, что прикидываюсь, будто неважно. Но я живу как живу. Я не могу контролировать каждое слово, интонацию, эмоцию... Очень хочу этому научиться и восхищаюсь людьми, которые умеют.

Но при этом вам неважно, что о вас подумают, на-пример, в метро?

Да, в лондонском метро, если повезет сесть, я часто крашу ресницы. И делаю я там это не одна. Меня это не смущает: в некоторых вопросах у меня вообще нет стеснения.

А если, предположим, на пляже нет кабины для переодевания, вы можете переодеться, прикрыв-шись полотенцем?

Ой, боже мой! Вы знаете, в каких местах я переодеваюсь в жизни?! На днях мы как раз вспоминали с Ки-

партии, потому что еще молодая и неопытная и к тому же у меня не будет возможности отдавать ей много времени — я тогда снималась сразу в пяти фильмах. Это было уже в конце коммунистических времен, когда даже таких, как я, звали в партию. Что касается пионе-рии, я очень хотела быть той девочкой, которая идет за трубой, потому что эти девочки были самыми красивы-ми — в парадной форме, в мини-юбках...

Как вы считаете, человек за 20 лет сильно меняется?

Через семь лет в нас не остается ни одной прежней клетки.

То есть вы хотите сказать, что Ингеборга Данку-найте семь лет назад была совсем другой?

Все клетки поменялись! Но я так же люблю своих родителей, сестер, брата. И мне будет так же больно, если меня ударят. Это не меняется.

Вы пытались переделать кого-нибудь? Научить, на-пример, не опаздывать или не врать?

Я не воспитатель в детском саду, могу дать совет — если попросят. Есть народное выражение: «Не пытайся на-учить свинью петь. Ты ее только разозлишь, а петь она не научится никогда». При всем уважении к свинье она все равно будет делать то, что ей свойственно. Судить, правильно ли живет человек, не в моих правилах.

«НА СЪЕМОЧНОЙ ПЛОЩАДКЕ Я ДАЖЕ В ГРОБУ ЛЕЖАЛА»

риллом Серебrenиковым, как я играла у него в сериале «Ростов-папа» танцовщицу в ансамбле русской песни и пляски. Условия работы были жесткими, у меня был водитель Миша, я и жила у него в машине, и переоде-валась. И он мне все говорил: «Инг-а-а, ты меня кон-фузишь» — Ингеборга выговорить никак не мог. Время было совсем другое — и я помню, как заказала в только что открывшейся настоящей кофейне эспрессо. Офи-циантка посмотрела на меня и произнесла «Предупре-ждаю! Это 30 граммов. 30 граммов будете? Эспрессо у нас называется 30 граммов».

В детстве вы были стеснительной?

Не просто стеснялась, а даже хуже. Когда вступала в комсомол, должна была публично прочесть стих «Ты в подвиг зовешь, комсомольский билет...» Кинозал, тысяча зрителей. У меня тряслись ноги, руки, губы, зубы... Я дошла до середины и забыла текст. Слава богу, в руках была шпаргалка. Но прочитала я ее чу-до-вишно! И тут же подумала: «Не смогу быть ак-трисой никогда». Но это прошло, как и многое другое.

Пионерско-комсомольская жизнь вас не раздражала?

Конечно, было за многое стыдно. Но комсомол был необходим, иначе невозможно было поступить в ин-ститут. А вот с партией у меня не сложилось! (смеется) Когда работала в Каунасском театре, мне предлагали вступить. Но я ответила, что не смогу хорошо служить

А что для вас означает слово «друг»?

Это все равно, что спросить «что такое счастье?» или «что такое любовь?» Люди романы об этом пишут! Дружба — та же любовь. Очень-очень давно, в моей юности, кто-то сказал: «Если я перестану с кем-то заниматься сексом, это не значит, что мне перестает нравиться этот человек. Почему с ним нельзя общать-ся дальше?»

У вас есть друзья-мужчины?

Конечно! Их много, и не в одной стране. Флиртовать можно и с мужчиной, и с женщиной. И дружить мож-но и с женщиной, и с мужчиной. Вот я с вами уже час флиртую! (смеется)

Вы всегда говорите правду в глаза? Например, после пре-мьеры, на которую вас позвали друзья или приятели?

Кроме поздравлений могу сказать только какие-то хо-рошие слова, потому что пришла их поддержать, а не заявить: «Ты это полгода делала? Зря потеряла время!» Есть взаимоотношения с людьми, и это самое важное. Может быть, мне везет, но чаще я смотрю талантли-вые вещи. Но даже если мне что-то не понравилось, я уважаю этот труд.

Хорошая ли у вас интуиция? Уже при первой встрече чувствуете человека или, бывает, обманывается?

Существует теория, что мы все решаем в первые се-кунды, — и я тоже часто склонна так считать.

Стараюсь, чтобы человек мне понравился, но не всегда получается. Порой это происходит постепенно, и со временем он становится близким другом. Например, с одной своей близкой подругой-продюсером я подружилась, потому что отказалась у нее сниматься. Мне сделали очень хорошее предложение, но по разным причинам мы решили не работать вместе тогда. И потом думали: «Как же это мы подружились?»

А с конфликта дружба никогда не начиналась?

Расскажу еще одну историю. Как-то меня пригласили на презентацию очень известной фирмы. Я приехала, а обо мне словно забыли, никого из организаторов не было. Жду час, полтора — я почетный гость презентации. Когда приехала девушка, ответственная за прием гостей, я ей многое сказала... Не хочу этого повторять (*смеется*). Ее, оказывается, остановила милиция — куда-то там попала, телефона под рукой не было... Но я была в бешенстве.

Вы как-то признались, что раньше думали: после конца съемок и репетиций можете легко расставаться с ролью, образом, — а потом поняли, что это не так...

Проходя путь своего персонажа, ты проживаешь все его переживания, потому что актер все достает из себя. Если я делаю это достаточно искренне, я не могу выключиться по команде «мотор!» и выключиться по команде

В детстве я мечтала о коньках, и мне их подарили. А моя сестра очень хотела Барби, и так случилось, что тогда ее не могли подарить. Купили через год, но ей это было уже неинтересно, она просто выросла. Но мы не завидовали тем детям, у которых это все было. Мои друзья имеют разное материальное положение, но это не имеет никакого значения — все общаются независимо от этого. Мы все стараемся быть щедрыми. А что такое много или мало? Богатый — это тот, которому всего хватает, а бедный — тот, кому всегда чего-то не хватает. Всегда будет мало, если у тебя в голове мало. Когда психологи проводили исследование на тему счастья, то оказалось, что самые несчастные люди — те, кто постоянно сравнивает себя с другими. Мои друзья друг за друга радуются. Конечно, есть драйв в том, чтобы достичь чего-то, куда-то поехать, что-то увидеть... Не хочу, чтобы меня упрекнули — у нее, мол, все есть, поэтому она может так говорить. Но я выросла в Советском Союзе! Сейчас многое изменилось. А вы помните, например, что чувствовали, когда появились первые электронные часы или джинсы?

Сколько было поводов для радости, даже счастья...

Конечно! Я до сих пор помню, как, будучи студенткой, по пути из института домой «достала» вермут

«ПЕРВУЮ СВОЮ ПОЕЗДКУ В ПАРИЖ НЕ ЗАБУДУ НИКОГДА»

«стоп», словно машина. Технически многое возможно: я достаточно опытный человек, в стольких фильмах уже снялась. За это время могли и слона научить (*смеется*). Но, если я играю умирающую женщину, которая прощается с семьей, — хочу я или нет, это на меня влияет. Каждый раз «выход из роли» длится разное время. Наверное, это болезнь (*смеется*).

Как в таком случае играть подобные роли — например, сниматься у того же Балабанова?

Это для меня было счастье! И как раз это самое интересное. Если я пять раз умру, может, потом будет легче (*смеется*). Чего я только ни делала на съемочной площадке, даже в гробу лежала. В какой еще профессии есть такая возможность? Там, кстати, очень мягко и удобно, и дизайн был хороший... (*смеется*). Потом посмотрела на себя в гробу... Очень интересный опыт! Профессия актера дарит возможность побыть в ситуациях, в которых я никогда бы не оказалась в жизни. Поэтому я не просто играю роль — живу в это время.

Вы когда-нибудь кому-нибудь завидовали?

Не думаю, что это качество сильно развито у меня. Если я иду на спектакль или фильм друзей — и даже не друзей — то очень хочу, чтобы мне это понравилось. Даже чисто эгоистически: я трачу свое время и хочу радоваться. А завидовать материальным вещам...

«Чинзано». Два раза отстояла очередь и купила две бутылки. Шла и говорила себе: «Какая я счастливая! Сейчас приду домой, у нас есть лед (мы в Вильнюсе жили большой семьей), откроем бутылку, сделаем себе аперитив и будем пить «Чинзано», который пахнет травами... А я не пью вообще (*смеется*) и сегодня на «Чинзано» смотреть не могу. Но тогда, идя по парку, тащила эту тяжесть, была весна, и у меня сердце плясало от счастья!

Есть ли какая-то еда, запахи, которые ассоциируются у вас с детством?

Сейчас я ем совсем другую еду — не ту, что в детстве. Тогда родители часто делали мне бутерброды, и я хорошо их помню — черный литовский хлеб с белым или желтым сыром. Желтый — соленый, а на белый, творожный сыр, обычно клали варенье. Если повезет, бутерброд был с колбасой. Мне это ужасно не нравилось, я вообще не любила есть. А запахи... Запах Рождества в доме никогда не забуду. В Англии он один, в Вильнюсе — совсем другой. Входишь в дом и сразу понимаешь: Рождество! На кухне варят-жарят, елку только-только принесли с улицы... Для меня Рождество всегда было самым главным семейным праздником, таким и осталось. Хорошо — плохо, грустно — весело, на Рождество мы всегда собираемся вместе.

«Иногда тебе кажется, что не можешь ничего изменить, а на самом деле можешь. Если я могу что-то сделать, я это делаю. Хотя всегда есть риск, что не получится. Но это не означает, что не нужно пробовать»

Когда вы впервые попали за границу?

Мне было десять лет, когда мы с мамой и сестрой полетели в Шри-Ланку с двумя посадками — в Карачи и Тегеране. Мы пели там «Чунга-Чангу» — это был рай! Но я воспринимала его как что-то обычное. Дети не думают так: «Ой, а почему у нас в Вильнюсе нет бассейна, а тут есть?», не огорчаются из-за этого. Они думают: «Зато в Вильнюсе есть мой двор с друзьями, а здесь его нет. И у нас не жарко». Мне понравилось в Шри-Ланке, но потом наскучило. Помню, мы везли туда черный хлеб. Всегда чего-то не хватает...

А в какую страну вы попали впервые в более сознательном возрасте и что чувствовали при этом?

Я поехала в Париж на съемки, когда мне исполнилось 19 лет. Хотя мой папа был дипломатом, меня не пускали за границу, даже к родителям в Женеву. Это была символическая поездка, сейчас Париж — один из любимых моих городов мира. Может быть, потому что сейчас там живет моя семья. А тогда я, что называется, попала в сказку. Увидела то, что видела во французских комедиях, на которые мы ходили, в основном чтобы посмотреть на красивых людей и красивую жизнь. Я пешком прошла по всему Парижу в тот первый приезд... Нашла на мостовой пять сантимов, взяла их, хранила все две недели, чтобы кинуть в фонтан в начале

Елисейских полей, — хотя вообще не суеверна. Сказала: я обязательно должна вернуться сюда. Теперь я могу ездить в Париж, когда захочу. Более того, недавно снялась во французском фильме, и это тоже один из самых счастливых моментов в моей жизни. Фильм называется «Прощай», главные роли в нем играют Эмир Кустурица и Гийом Кане, французская звезда. Я везде неплохо себя чувствую, живу в Лондоне, Вильнюсе, Москве, но Париж стоит особняком. Говорят, есть первая любовь, но я, если честно, ее не помню. А вот первую свою поездку в Париж не забуду никогда.

Потом я побывала в Лондоне. Он показался мне великолепным! Я могла бы написать об этом сочинение на тему: «Мечтаю...». Я училась в английской спецшколе, и у нас были топики (темы) про Лондон. Если бы мне сказали тогда: «Ты поедешь в Лондон и будешь четыре месяца играть на сцене с залом в 1 400 мест на английском языке с Джоном Малковичем, к тебе на спектакли станут приходить известные люди, ты пообедать с Миком Джаггером...» — я бы не поверила! А уж представить, что тебе будут хлопать, напишут рецензию с хорошими словами, да и вообще будешь жить в Лондоне? Какая мечта может вместить такое? Нет, это невозможно. Я иногда до сих пор не верю в это!

Марина Зельцер